

Вторник, 9 ноября, 1993

Сегодня. - 1993. - 9 нояб. - с. 15

Молчанов: Молчи, грусть, молчи

Скованные одной цепью. Авторская программа Владимира Молчанова. 1-й канал Останкино. 3. 11. 93

Павел Крючков

С

видетелем удивительного разговора оказался на днях ваш непокорный слуга. Нескольким любимым мною волшебникам слова всерьез обсуждали проблему хвалы: что она такое и как ей пользоваться в чреде быстротекущих дней. Запущенная в закрытом помещении, эта проблема до сих пор висит в воздухе. Действительно, обзирать окрестности Прекрасного и не наткнуться на случайно вылезшую из земли фиалку, — так недолго и до ненормативной лексики опуститься, и словом «культура» не побрезговать, и... страшно подумать! Представляешь похороны рубрики «Сказки» и воскресение колонки «Новости культуры»? Я — нет, закапывайте нас вместе. Кстати, уютно вошедшее в пятерку ведущих лексических мат-териалов (привет Георгию Гачеву) слово «политика» все чаще расшифровываю с помощью классика: «Согласен с каждым вашим словом, но готов отдать жизнь за то, чтоб вы навсегда заткнулись» (Вольтер, перевод с обратного?).

Однако мы не такие уж коварные лицемеры — не вычленийте из наших скупых проявлений иронические ноты. Мне действительно есть что сказать. Даже (а это, надеюсь, так) если низеназванной персоне это совершенно безразлично. Ибо это, наверно, мои, зрительские проблемы.

Когда программа Владимира Молчанова «До и после полуночи» сошла с экрана ТВ, критики произнесли: «драма» и «исчерпанность». Еще одна ключевая фраза — «конец салона». Или даже — «конец игры в салон». Мол, действительность оказалась жестче, чем обивка плюшевого кресла, а рука москвички, неловко запикивающей гвоздику в автомат омовца, — привлекательнее роскошных цветов. Кстати, Молчанов первым поставил их в кадр. Слава Богу, не нужно объяснять, что ряд молчановских сюжетов легко ложится в воображаемую антологию советского и постсоветского ТВ. При этом я отлично помню свое, мягко говоря, недоумение после некоторых новелл странно-патриотического толка. Впрочем, спасибо: о том, что каждый посвоему осваивает историческую менталь-

ность российского дворянства, я уже читал в журнале «Москва».

После возникновения REN-TV возникла и новая фенька: «красавец пижон попер а рожон» — т. е. пошел в народ. Опять же, я не окулист и не отоларинголог, чтоб рассказывать, что лучшим (и адекватным) за всю историю шахтерского движения романом о тружениках забоя была прощальная передача В. Молчанова. Прежде всего — потому, что была честна. Как вы догадываетесь, шахтерская жизнь и тезис «ты только микрофон вовремя включи,

ЮРИЙ ГИЗЕЛЬ

материал сам поперет» диаметрально противоположны. Не поперет, будь ты хоть трижды Сергей Станкевич. Ты исторически слотыкаешься на советском штампе: человек в шахтерской каске. Нужно сделать что-то невероятное, чтобы взгляд не наткнулся на этот рабочий головной убор, всегда комично сидящий на голове «человека отсюда». С Молчановым, по-моему, такого не случилось.

Предыдущим дискурсом В. М. был «Черный пес Петербурга» (рецензия О. Ульяновой — «Московские новости», 08.09.93). Не в моих правилах задним чис-

лом рецензировать телепередачи — я только хочу задать вопрос Ольге Ульяновой: когда вы пишете о «моде на „чернуху“ в пастельно-розовых тонах» — вы имеете в виду беседы с бойцами «Русской гвардии», тюремный этюд о «Крестах» или — новеллу о старых зеках? Об этом у вас ни слова. Может, заметка писалась для тех, кто передачи не видел? Вот основная фактура: «С какими словами благополучный человек обращается к приютскому мальчишке? „Когда ты вырастешь и у тебя будут дети, ты отдашь их в приют?“ „Нет“, — отвечает ребенок... Далее мальчик не спрашивается: видимо, инстинктивно — чувствуя фальшь риторических вопросов». Вот он, козырь! Замечу только, что все приютские дети, отвечавшие Молчанову, подчеркнuto плевали на него и матерились в кадре; им, между прочим, класть на ваш телевизор, они не доярки. Я уверен, подожди Молчанов к следующему питерскому гаврошу, — тот бы ответил: «Да, отдал». Со злости или с глупости — это отдельная тема.

Лично мне интересно смотреть эти «художественные тексты» — а то, что Молчанов не журналист, мне очевидно. Я не хочу слышать про сладкий голос и какие-то там ужимки — лень напоминать, что искусство и журналистика — вещи разные. Наш случай первый.

История про спецназ (явление, лично мне не интересное) убедительна, ибо сделана человеком искусства. Но я не искуствовед и тем более не собирался рецензировать эту передачу; просто очень хочется ввести в оборот термин «торговля». В. М. там не торговал — ни когда накладывал кадр на кадр по принципу заголовка и подзаголовка; ни когда открыл сюжет романсом Вертинского в исполнении БГ; ни когда сидел на спецназовской свадьбе. А будь я «журналистом» — дорого б заплатил, чтобы в мой диктофон сорвалось: «Сын игрушку просит, за которую мне месяц воевать надо». И сделано все это — имею в виду передачу — командой профессионалов, соединивших усилия таким образом, что один чувствует пульс другого.

Видимо, мы с самого начала не определились с жанром. То, что некоторые телекритики спешно обозвали слащавостью или чернухой в пастельно-розовых тонах — я бы назвал, например, телевизионным романсом. Между прочим, последнее слово выдержало более чем столетнее испытание. Но это так, в рабочем порядке.